

НИКОЛАИ РЕРИХ.

АЛТАЙ—ГИМАЛАИ.

(Мысли на коне и в шатре.)

1923—1926.

(Оттиск вступления).

Улан-Батор-Хото.

1927.

Половина чистого дохода
с настоящего русского издания
поступает в фонд Национального Музея
при Ученом Комитете
Монголии.

THE ARCHIVE OF
**NICHOLAS
ROERICH
MUSEUM**

От издательства.

Зулоага, посетив Музей Рериха в Нью Йорке, сказал в печати: „В творческой работе Рериха я вижу то, что чувствовал всегда: есть какая-то великая возможность, которую Россия должна принести миру. Мы еще не знаем ее, но я сознаю ее приближение. Рерих великий художник, великий мыслитель, великий работник, и творчество его выражает глубокое и великое чувство“.

Борис Григорьев пишет: „Его имя на устах всего мира. Передо мной лежит выпуск „Студии“, посвященный нашему великому художнику, и я горд, когда сознаю, что Рерих способен вознести человеческую сущность“.

В „Форвард“ С. Уитман (1925), оценивая международное значение последних работ Рериха, говорит: „Мы, которые ищем пути интернационального понимания и строительства общечеловеческого мира, должны рассматривать Рериха, как великого апостола и провозвестника этого нового мира всех народов“.

В недавней статье „Пророк мировой красоты“ И. Народный говорит: „Леонардо-да-Винчи был одновременно и художником, и зодчим, и инженером. То же самое может быть сказано о Рерихе; он не только великий художник, но и глубокий философ, и выдающийся ученый“.

Обширная литература посвящена Н. К. Рериху. Сведения о жизни и о работе его до 1916 года известны из монографий: А. Ростиславова (1918), С. Эрнста (1918), А. Мантеля (1910), А. Гидони (1915), Н. Селивановой (1923), и по статьям А. Н. Бенуа (1916), С. Маковского (1906—1916), С. Яремича (1916), Л. Андреева (1918), А. Ремизова (1916), М. Волошина,

Г. Боттомлея, С. Городецкого, Ю. Балтрушайтиса, И. Лазаревского, И. Такеучи, В. Пика, Л. Воксея, Арсен Александра, А. Койранского, Бориса Григорьева, О. Дымова, М. Фокина, Дени Роша, сера Филиппа, Фейгенберга, С. Сейлора, К. Бринтона, В. Риттера, М. Мартена и др. Особые выпуски творчеству Рериха посвящались журналами: „Мир Искусства“, „Искусство“, „Весы“, „Золотое Руно“, „Декоративное искусство“ (Париж), „Студио“ (Лондон), „Точстон магазин“ (Нью Йорк), „Колор“ (Лондон), „Газета изящных искусств“ (Париж), „Волне Смери“ (Прага), „Дило“ (Прага) и пр.

Сведения о заграничной, многообразной работе рассеяны в целом ряде изданий: „Студио“ (Лондон), „Интернациональный Студио“ (Нью Йорк), „Эмпориум“, (Милан), „Искусство и художники“ (Париж), „Волне Смери“ и „Дило“ (Прага), „Немецкое Искусство“, (Дармштат), „Обозрение“ (Калькутта) и в других индусских, японских и американских журналах. Большая монография „Гималаи“ в издании Брентано в Нью Йорке 1926 г. дает сто воспроизведений картин мастера от 1923 до 1926 г. Монография в издании „Корона Мунди“ (1923), а также книги Рериха „Адамант“ (1924) и „Пути Благословения“ (1925) знакомят с последними широкими устремлениями мастера.

Имея возможность опубликовать путевые заметки и части дневника мастера за 1923—26 гг., предпосылаем речь Ф. Р. Грант, произнесенную в годовую день Музея Рериха 17 ноября 1926 года.

Предпосылаем также обращение Рериха к женским клубам Нью Йорка, чтобы охарактеризовать отношение мастера к Америке. Кончаем вступление отрывком последнего письма Рериха в наше „Общество Друзей Музея Рериха“ (Январь 1927).

Работы и путешествия последних лет вносят в жизнеописание Рериха размах неповторенной легендарности, а при общем значении Востока картины и книги Рериха составляют совершенно особую ценность.

Мы вспоминаем и „Грозного вестника“ 1912 года, и „Меч мужества“, принесенный красным пламенным посланцем стражам города в 1913 году, и „Дела человеческие“, и „Град обреченный“ 1914 г., и „Три радости“ 1916 г., и „Восток“ 1920 года. Мы привыкли принимать ярkokрасочные образы Рериха, как вехи грядущего, а жизнь самого художника, во всей ее бодрой реальности лишь по фактам непреложным. Прислушиваясь к течению мысли мастера, кончим отрывком его письма, посланного из Малого Тибета Международному Центру Искусств в Нью Йорке в 1925 г.

... „Друзья, мне было бы много легче записывать путь во всей „фантастической“ были, которая расцветает неслыханной правдой каждую вершину и каждую пустынную даль. Но тогда, кто то не поверит, как не верит солнцу спящий в темноте. Неужели уже восходит солнце? Нужны факты. Пишу только факты. Записываю отрывки мыслей так, как они сейчас живут на Востоке. Записываю расстояния и рассказы так, как они говорят сейчас. Но даже в фактах восход бывает с Востока.“. . . .

Рерих выразил желание, чтобы половина дохода от настоящего издания была предоставлена фонду Национального Музея в Монголии. В Америке, в Европе и в Индии Рерих положил начало целому ряду организаций и учреждений. С радостью исполняем желание мастера относительно Национального Музея Монголии. Этими мерами устанавливается истинное международное понимание, куется мир всех народов и ткется прочная ткань будущей мировой культуры.

Нью Йорк 1927.

РЕРИХ.

(Речь, произнесенная на собрании в годовую день Музея
РЕРИХА 17 Ноября 1926 г.)

В жизни учреждений, так же как и в человеческой жизни бывают сроки, когда можно оглянуться и измерить пройденное пространство. Такой срок наступил для Музея Рериха, который 17 Ноября вступил в новое трехлетие.

Музей Рериха, посвященный творческой мощи одного мастера, является необычайным по своему заданию. Подобные музеи и в Европе исключительно редки. В Америке же такой музей является первым. Во всяком случае это первый музей, посвященный еще живущему мастеру. Такой музей может быть посвящен лишь творческой мощи, которая выросла за пределы национальности и нашла восторг и признание во многих странах. Творчество Рериха, именно, таково. Его искусство прошло многие страны и его слово вошло в язык многих народов.

Америка, по природе своей, по разнообразию потока притекших национальностей, является наибольшим всемирным космополитом. Поэтому, именно, мы здесь, в Америке, мысля международно, можем приветствовать и оценить явление международного значения, которое представляет собою музей.

15 Декабря 1925 года исполнилось тридцатипятилетие творческой работы Рериха. В течении этого периода, прямой восходящий путь - начиная с первой выставки - дал полную жатву неповторяемого творческого посева. Музей содержит произведения многих периодов Рериха.

Это искусство более не нуждается в похвалах. Авторитеты многих стран, лидеры жизни искусства, посвятили горячую оценку творениям Рериха. Конечно, были и враждебные голоса, ведь, глубокий творческий источник, каким является Рерих никогда не оставляет зрителей равнодушными. Или он вызывает горячую дружбу и почитание, или порождает напряженную ненависть. Но, ведь, это не удивительно - просмотрите анналы искусства и творения великих мастеров и вы всюду замечаете то же самое явление.

Искусство Гогена и Врубеля приводились в сравнение с творчеством Рериха. Это не случайно. Каждый из них творил свой стиль характерный и не повторяемый - как неповторяем их жизненный путь. „Облака Рериха“, „Горы Рериха“, „Камни Рериха“, „Стиль Рериха“, - все эти эпитеты давно сложились и прочно вошли в жизнь.

Творчество Рериха независимо возвышается, как твердыня самодовлеющая. Тагор в своей характеристике Рериха отмечает эту особенность: „Ваше искусство независимо, ибо оно велико“.

Жизнеописание Рериха не будем повторять здесь. Достаточно сказать, что оно стоит в ряду самых фантастичных. Достигнув крупнейшего положения в русском искусстве, Рерих, после революции, вырастает в величину международную. Еще при жизни приходит к нему признание, когда его сила и творчество в полном расцвете.

Америка ему посвящает особый музей. Он признан и избран, как президент и почетный президент многих учреждений. Но искания его не прекращаются. Во время высшего успеха, он ищет новые высоты, он восходит на далекие вершины Гималаев. Он переходит Каракорум — высший путь мира. Как истинный викинг, он полон новых устремлений. Такова независимость его творческой жизни.

К этой независимости он прибавляет широкое, покоряющее понимание мастера, стремящегося к миротворчеству, как

можно видеть из отрывка письма его из Москвы, недавно обошедшему прессу Америки.

„Друзья, если бы Вы могли видеть доброжелательную толпу, бывшую при нашем отъезде. Если бы Вы могли слышать задушевные приветы, которые народ посылал в Америку. Вы бы еще крепче почувствовали все нити тесно соединяющее наши великие страны - страны, которые никогда между собой не воевали.

Чем особенно трогательны подобные проявления. В них нет ничего предвзято политического, но вы чувствуете, как мысленно великая рука народа пожимает дружески руку народа заокеанного. И в этом черезокеанном рукопожатии выражена вся космичность переживаемого момента.

Мы вспоминаем тех американских фермеров, которые в 1921 году, во время здешнего голода приходили к нашим кострам. Спрашивали они, как лучше и быстрее могли бы они помочь народу русскому. Истинный мир строится, именно, такими народными стремлениями, именно, таким взаимопониманием.

В привет от множества множествам заключено истинное ручательство мировых сношений. Какое благо, если народы могут приветствовать друг друга. И каждое движение такого народного приветов должно быть внесено на странице истории. От самого края русской границы, по Иртышу, по просторам Сибири до Москвы—до сердца Союза—мы видели поражающий рост народного сознания. Матросы, красноармейцы, пограничники, землепашцы, рабочие, школьные учителя—также множество учащихся, посещавших музеи—горели искренним стремлением „знать“. Вы понимаете, если народ зажжен этим стремлением к знанию, он созидает твердую почву для реального строительства. Знайте, и вы получите. В этом стремлении к познанию сказалось все благо позитивизма. Если я знаю, то ничто не может лишить меня приобретенного знания. Я видел также стремление к

знанию среди молодежи и среди рабочих Америки. А теперь я видел эту жажду знания среди широких масс республик союза. Привет от народа народу.

Скоро мы опять сменим вагон на караван и опять увидим новых людей. Буду рад и от них послать вам привет“.

В следующем отчете совет директоров представляет факты растущей жизни музея. Но есть и другая сторона значения музея, менее выразимая, но одинаково, многозначительная. Это сторона внутреннего воздействия, которая трудно выражается словами.

Я подразумеваю то внутреннее воздействие, которое увлекает и создает истинных энтузиастов музея.

Музей делается средоточием художников всех отраслей, которые находят в нем новое вдохновение. Музей привлекает молодежь, рабочих, учителей, студентов, и они выходят из него радостными и бодрыми.

Поэты и литераторы радовались перед картинами и посвящали им свои новые произведения, зажженные видимым в музее. Вспомним такие произведения А. Мерит, И. Народного, Мэри Зигрист, Чарльз Сторк, Барбара Ионг и другие.

Можно вспоминать восторженные восклицания Зулоага и Местровича. Неразрывно стоит с музеем высокая оценка таких художников, как Беллоуз, Чандлер, Кент, Дитерих, Норман-бел-Геддес и многих других и пламенный отзыв Фаджи, Стоковского, Д-р Холланд, Эггерс, Харше, Папин. Брэгдон возгласил потрясающую красоту „твердынь“. Олин Доунс нашел в музее ответ на решение современной жизни. Каун и Мукерджи возгласили миссию творчества Рериха. Так музей огненным кольцом вдохновения зажег многие творческие светильники.

На ряду с художниками пришли рабочие, студенты, лю-

ди всех состояний и в сверкающих знаках красоты, в момент мировых потрясений нашли высокую бодрость и обновление.

Так в своем глубоком воздействии музей свидетельствует о правоте слов Д-ра Хюит, когда он назвал сущность Рериха, выражением Сорделло Браунинга—всеобъемлющий, вседающий.

Ф. Р. ГРАНТ.

Обращение Рериха к женским клубам в Нью Йорке.

Накануне моего отъезда на восток, скажу о моих впечатлениях от Америки и американского искусства. Чувствую, что эта привилегия принадлежит мне. Ведь двадцать три года тому назад я верил в искусство Америки и мне довелось помочь устройству первой в России выставки американского искусства. И теперь мой оптимизм вполне подтвержден.

Сперва об Америке вообще.

Часто я слышал об узком материализме Америки. Но каждый находит то, что ищет. Каждый измеряет мир по своей мерке. Правда, жизнь сложна, мы часто слепы и глухи к необычным возможностям окружающего. Что есть реальность? Что такое фантазия? Люди в слепоте часто смешивают эти понятия. Как граненный алмаз, жизнь многогранно отражает свет. Часто, где мы предполагаем один красный луч, там же близок и синий и фиолетовый. Было бы ошибочно полагать основной тон алмаза зеленым или красным. Если мы будем смотреть на Америку с пошло—материалистической Уол-стрит, то и вся Америка покажется низко материалистичной. Но когда захотелось заглянуть в область высокого интеллекта—я был приятно потрясен этим зрелищем. Если вам удастся погрузиться в жизнь той Америки, которая далека от биржи или уличной наживы, вы будете изумляться ценным открытиям. Нигде вы не найдете столько социальных учреждений и храмов за пределами официальных религий. Это любопытное свидетельство свободных исканий. Когда вы посетите собрания всяких направлений, вы всегда найдете их многолюдными. Это явное доказательство общественности. Люди идут для поисков новой жизни. Концерты в многоты-

сячных аудиториях наполнены, и выставки и музеи полны зрителями. Не для выгод идут туда люди. Это знак искания красоты. И не нужно забывать, что время уделяется среди высшей напряженности и головокружительной работы. Это знаки умения обращаться со временем. Люди привлечены учениями Вивекананды, Тагора, Блаватской и других авторов международного значения. Это не из выгоды. Страна дала Эмерсона, Уот Уитмана, Эдгара По и ценит и почитает их. Страна изыскивает новые типы школ и здоровых летних детских общений.

Конечно, вы не найдете эти знаки на Бродвее, где творчество заменено изобретательностью. Плоскость улицы не имеет ничего общего с жизнью творимой за высокими элеваторами и закрытыми занавесями.

Тут Клод Брэгдон говорит о четвертом измерении и показывает орган цвета. Д-р Дебей поражает вас ученым трактатом об астрологии и астрофизике. Д-р Хилле покажет вам вселенную в одной тысячной капли жидкого золота. Вы услышите учение Ведантистов и Бахаистов. Вы услышите речи о четвертом интернационале, о союзе всемирном, о Мехехах и об Атлантиде. Вы найдете институт для фотографии физических излучений, замечательные рефектории и биологические станции. И все это частной инициативой. И все это в той Америке, которой приписывают только бешенство грабительской наживы. Страна велика и молода—велики и молоды ее стремления.

Тут же вы не забудете великих изобретателей, которые в своем размахе дошли до поэзии. Эдисон—изобретатель, есть в то же время и поэт находжений. Карнеги поэт огромных масштабов. Этот творческий нерв среди атмосферы насыщенной электричеством. „Улыбайся“, написано на всех углах; это не насилие, это добрый совет жизненной энергии.

Мысль организации А Р А памятной в СССР зародилась и осуществилась, именно, в Америке. Там возможна была эта

доброжелательная практичность без сентиментальности. Жизненность известной части Америки дает возможность иметь лимитированные поезда без опоздания. Та же жизненность дает возможность пройти заводы Форда без пылинки на сапоге. Та же жизненность дает толпам общественность и тем устраняет многочисленность полиции. Посмотрите взаимную добровольную помощь при всяких общественных несчастьях. „Моя хата с краю“ была бы непопулярной пословицей в Америке. Но путей в Америке много и надо с'уметь найти их. Незнание языка, неповоротливость, предубежденность, предвзятость и суеверие могут закрыть самые лучшие возможности. Могут толкнуть в объятия известной части банкиров, а банкир, за немногими исключениями, есть банкир...

И откуда в Америке такое доброжелательство ко всему русскому? Посмотрите и на космичность строительного размаха. Опыт смещения национальностей в Америке дошел до небывалого напряжения и быстроты. Еще одна условность стерлась. На наших глазах куется новый социальный продукт, новая группировка позволяет рассмотреть уже новые формы строения. Этот социальный эксперимент очень замечателен среди последних эволюционных формаций. Реальность происходящего процесса позволяет различать возможности всех желательных социальных комбинаций и построения культуры. Вы уже слышали, как различаю я истинную культуру от наносной цивилизации. Историческая необходимость мировой эволюции получает значение в нашей жизни каждого дня. Именно, не предположение, не увлечение, но историческая необходимость. В вашей стране нет иностранцев, но есть лишь сотрудники. Ваша доброжелательность, реализм, подвижность и решительность откроют вам самые трудные врата. Воздух Америки полон электричества прогресса. Храните это сокровище эволюции.

В России—а союз и сотрудничество Америки и России неизбежны—есть красивая легенда о потонувшем городе, ко-

торый снова поднимется в сужденные сроки. Башни этого города уже поднимаются и становятся очевидными. Насыщенная жизнь, с глубокими корнями знания, здоровая и возвеличенная трудом будет производить и сильное искусство.

Обращаюсь к моему приезду в Америку в 1920 году. Сильно впечатлили меня художники, такие, как Роквелл Кент, Георг Беллоус, Райдер, Джон Саржент, Дэвис, Морис Стерн, Уфер, Чанлер, Слоан, Маншип, Лашез, Спайкер, Мельчерс, Прендергаст, Фризике, Кроль, Стернер, среди молодых Фаджи (отличный скульптор), Девей, Джонсон, Хокнер, Шива и другие. В театральном мире Эдмунд Джонс, Норман-бел-Геддес. Показалось разнообразие американских группировок. Среди строителей — мастер небоскребов Боссом и разносторонний Келли. Некоторые группы еще носили примесь национализма, но большинство уже работает в международном сознании. Шовинизма я не почувствовал. А любовь к природным сокровищам Америки так понятна, ибо страна полна живописных красот.

Возьмите поэзию небоскребов. Обратитесь к скалам, гейзерам и горизонтам национальных парков. Или вспомним трагическую красоту индейских пуэбло, или мрачную ноту испанских останков... Вы имеете около себя столько превосходных задач для творчества. Чтобы прикоснуться к подлинным источникам, удалось нам пересечь Америку. Видел красоты Калифорнии и национальных парков Новой Мексики и Аризоны. От Ниагары до Скалистых гор и до Тихого океана. И я лично мог оценить какое будущее имеет страна за собою.

В этих странствиях я видел многих молодых художников в трудном положении. Тяжело говорить, но, именно, через испытания куется истинный подвиг творчества. И мог я заметить, что Америка имеет много работников, преданных искусству, которые даже в тяжких трудах не сдают свои позиции. Творческие порывы в Америке растут. Творчество занимает присущее ему в культурной стране место. Друзья,

вы поберегите вашу художественную и научную молодежь. В них ваше будущее. Место женщины в Америке велико, но велика и ее ответственность за будущее.

Одно обстоятельство меня удивило в Америке. Это положение частного художественного собирательства. Можно встретить много выдающихся художников, но частных собирателей можно найти гораздо меньше. Есть покупатели предметов искусства, но пламенных знатоков собирателей встретить труднее. В некоторых городах можно заметить, что даже само различие между покупателями и собирателем неясно. Также можно встретить вредную легенду о том, что хороший вкус не позволяет иметь много художественных предметов в частной квартире. Эта неудачная легенда в значительной мере идет от декораторов помещений, которые предпочитают занять все плоскости своими, часто трафаретными, выдумками. Но сама жизнь уже искореняет этот нелепый предрассудок.

Но все-таки сознательных собирателей сравнительно мало. В России мы имели много преданных, сознательных собирателей, хотя и меньше покупателей. Вы знаете мою статью о русских собирателях. Я дал разные типы собирателей, разных классов и общественных положений, — от студентов и до известных составителей идейных собраний. От бедняков до богачей, но сознательность и пламенность их была трогательна. Все было различно в них — и возможности и положения, но одно было общее — это искание красоты, это стремление к оригинальному творчеству, хотя бы в самом стремительном фрагменте.

Это будет и в Америке. Вы имеете столько отличных учителей искусства. Вспоминаю декоративный класс в нашем институте Соединенных Искусств под руководством Роберта Эдмонда Джонса, вашего славного декоратора. Вы видите, как пламенный учитель подымает своих учеников. В моих странствиях по Америке я встретил многочисленные группы энтузиастов. Целый ряд директоров музеев, такие

как Харше, Эгерс, Лаурвик, Седж-Квинтон, Морис Блох, Борроус, Дедлей Крафтс Ватсон Эдгар Хюит, Курсворт и многие другие—они неустанно борются за искусство. Можно видеть как из госпиталей искусства, т. е. из музеев по всей стране идут живительные лучи просвещения.

Стало трюизмом говорить о международном значении искусства. Но, как моление и призыв, мы должны твердить это с неутомимой настойчивостью—с необоримой убедительностью. Врач говорит: «прежде испытайте мое средство, а потом увидите его следствия». Найдите в прекрасном контакт с исторической эволюцией.

На щите Международного Центра Искусства в Нью Йорке мы написали.

„Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег, человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства и знания победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже „земные“ люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: труд красота и действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты и действия откроет все врата. Под знаком красоты идем радостно. Красотою и трудом побеждаем. Красотою объединяемся. И теперь произносим эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И чуя путь истины, мы с улыбкой встречаем грядущее.“

Из письма Рериха в „Общество друзей Музея Рериха“. (Январь 1927).

Дорогие друзья, книги и письма Ваши все еще не получены. А из телеграмм Ваших долетают, как осколки каких то неслыханных взрывов.

При новом годе оборачивались ли Вы назад или только устремлялись вперед?

Добрый год! Ведь, не пожелание, но требование должно быть в этом зове. Он должен быть хорошим для тех, кто хочет работать, кто отдает себя просвещению.

17 Декабря исполнилось десять лет нашему бездомию. Поздно ночью отходил поезд; вагон был нетоплен; родственники считали наш отъезд сумасшествием. Святослав, верно, помнит, как мы обернулись всеми плечами от 25 град. мороза.

Мечта движения! И снежные скалы Финляндии встали первыми вестниками будущих высот Гималайских. Е. И. так стремилась ехать; так знала непреложность пути, и ничто не могло остановить ее.

И вы теперь стали легкоподвижными и во всеоружии встречаете препятствия, нападения, как неизбежные камни и пыль на пути. И Вам явлены лики клеветников и извратителей. Вы закаляетесь и не принимаете к сердцу выпады в печати. Вы знаете, все это имеет свои специфические причины. И главная причина—незнание, проклятое незнание, которое вносит мрак и клевету. В 1918 году поступили со мною забавно: просто похоронили меня в Сибири (где я во все и не был). Служили панихиды и писали некрологи. Конечно, при наших дальних путях можно представить сколько

кривотолков и сейчас происходит. Мне показывали вырезок «Красной Газеты» с беседой А. Н. Бенуа. Даже А. Н. Бенуа был введен в заблуждение и сообщил парижские сплетни о Тибете и о папском проклятии. Когда, по беседе Бенуа, я был в Лхассе, именно, тогда я проезжал Москву. А один старый чудак в Ленинграде так размахался, что при упоминании моего имени кричал: «К черту Гималаи». Забавно. Главное о друзьях. Радуюсь Вашим сообщениям о Зулоага, Местровиче и д'Аннунцио. Такеучи, вот незримый, деятельный друг. Как выглядит «Адамант» по японски? Привет Сторку за идею альманаха.....

Друзья, такие Вы все разные и все такие устремленные. Америка, Индия, Китай, Египет все становится связным и теряет свои случайные границы. И Ваши неожиданные пути в Азию и мой прошлый, неожиданный приезд в Америку все это во множестве эпизодов становится неопишным, но напряженно незабываемым.

Вспомните бешеные ливни на Алтае, когда З. хотя мужественно и признала необходимость пути, но вся мокрая жалобно молчаливо спрашивала пространство, кончится ли это? Или Нетти на море льда в Шамони. И приход Френс среди плясок краснокожих в Санта-Фэ. И соколиное решение Л. на Монхигане. И О., мужественно решающая в Женеве И С. М. с грошиком Ильи. Или Св., шествующий на коне по горной тропе Сиккима с книгой в руках. Или прощанье на вокзале Берлина и Ч. спрашивает: так и бывает? И Тат. и Георг. в Париже и улица Мессины; умеют они ждать. Или В., хотя и согласился на неожиданности, но все таки в Индии напряженно ждал рева тигра. Или напряжение Ш. на Лионском вокзале. И философ-воин Р. в Риме. И заботливость Ньюб. (его аппарат попортился при переправе через Яркенд Дарью). И Ав., испугавшийся иезуита на японском судне в Марселе. А ласковый приход брата и сестры Р? А помните вечер 9 декабря 24 г. и все бывшее около статуи Рока? Так

наслоилось; так расцветилось! Всем друзьям привет! . . . . .
. . . . . А Вы все стройте. Всетаки стройте.

Опять уйдем вне почтовых сообщений и хотелось бы видеть, что вся Ваша работа устремлена только в будущее. Направлена к тем народным массам, куда искусство проникало так трудно. Именно, в народные и рабочие клубы, в библиотеки, в сельские общины, на вокзалы, в тюрьмы, в больницы, в детские приюты. Там нарастает сознание. Там ждут. И творчество срастается с трудом. А все препятствия—лишь рождение возможностей.

И скажите Вы ученикам, чтобы их ничто не стесняло. Чтобы каждое условие они обращали в счастливую возможность. Бывало я говорил ученикам: «представьте на минуту, что вы—Рафаель, а я—Папа. Я буду вам ставить всякие условия для вашего эскиза, а вы вложите все и своим свободным сознанием претворите все препятствия. Если сознание свободно живет в нас, то ничто не умалит его». И пусть сочиняют учащиеся по всем отраслям, и по живописи, и по балету, и по пению. А вдруг споют свою песнь или дадут свой танец. . . . . Всеми мерами пусть обостряют творческие способности.

В 1924 г. статья «Звезда Матери Мира» кончалась: «Ведь не «сидение на тучах», и не «играние на арфах», и не «гимны неподвижности», но упорный и озаренный труд сужден. Не маг, не учитель под деревом, не складки хитона, но рабочая одежда истинного подвига жизни приведет к вратам прекрасным, приведет в полной находчивости и непобедимости».

С тех пор еще два года Вы боретесь на всем многообразном просветительном фронте, и работа зовет Вас вперед. Не пожелание, но уверенность можно послать Вашей работе.

Вы никогда не остановитесь, иначе говоря, никогда не состаритесь». . . . .

